

сферой и духовной биосферой, делающего упор на деятельность человеческого разума (νοῦς), становящегося крупнейшей геологической силой. Поэзия Гора, в свою очередь, выступает знаком крушения названных идей, их тотальной блокады, спровоцированной как раз деятельностью человека. И если Вернадский, воспринимая ноосферу в качестве «грозного времени», эпохи разрушительных войн, даже в 1944 году, т. е. после блокады Ленинграда, данный «стихийный геологический процесс», «современную стадию переживаемую биосферой» принимает, наподобие Заболоцкого, с надеждой на светлое будущее,³⁷ веря в человека, то поэтические прогнозы Гора резко отличаются от прогнозов Заболоцкого и Вернадского. Императив жизни, заложенный в понятии духовной биосферы — краеугольного камня поэтики Гора, — сменяет императив смерти: ума, души, человека, природы.³⁸ Поэтическое слово утратило творческий потенциал, сохранив лишь способность плоско отражать руины прежней органики — антиорганику.

³⁷ Ср. в тексте «Несколько слов о ноосфере» (1944): «Мы вступаем в нее — в новый стихийный геологический процесс — в грозное время, в эпоху разрушительной мировой войны. Но важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере. Можно смотреть поэтому на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим» (*Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. С. 482).

³⁸ Ср. в строках: «В такую минуту как эта, / Когда кровь Людмилы разлита, / Когда стынет ум у поэта / Природа зарыта, убита, / Доскою забита, забыта, / Ногами тяжелыми смята. / Тоска у окна и примета / И душу в снегу у омета / Метель замела незаметно» (Гор, с. 393).

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-217-225

© А. В. Сысоева

ДИСКУССИЯ О ТВОРЧЕСКИХ ЛОЗУНГАХ РАПП В 1930 ГОДУ*

Во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х годов государство стремилось контролировать культуру, обладало ресурсами, благодаря которым можно было оказывать влияние на писателей (например, владело монополией на издание и распространение книг, установившейся после закрытия частных предприятий). Вопросы литературной жизни обсуждались в центральных газетах, соединяясь с вопросами верности партийной линии; выпускались распоряжения в области культуры.

Постановление ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы» утверждало, что «партия в целом отнюдь не может связать себя приверженностью к какому-либо направлению в области литературной формы», а пролетариат в капиталистическом обществе «не мог выработать своей художественной литературы, своей особой художественной формы, своего стиля. Если в руках у пролетариата уже теперь есть безошибочные критерии общественно-политического содержания любого литературного произведения, то у него еще нет таких же определенных ответов на все вопросы относительно художественной формы».¹ Такая формулировка поощряла к поиску этих ответов. Речь шла о том, что рано или поздно произойдет «завоевание позиций (пролетариатом. — А. С.) в области художественной литературы».² Постановление выводило на первый план творчество этого класса. С 1928 года Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) стала во главе региональных ассоциаций. Организация обладала значительным влиянием.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00527, <https://rscf.ru/project/21-18-00527/>, в ИРЛИ РАН.

¹ О политике партии в области художественной литературы (Резолюция ЦК РКП(б)) // Правда. 1925. 1 июля. № 147. С. 6.

² Там же.

23 апреля 1932 года Постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» РАПП была ликвидирована. Все писатели, поддерживавшие советскую власть, должны были объединиться в Союз. Споры о художественной форме пролетарской литературы перестали быть актуальными, теперь они велись о том, по какому пути должна идти советская литература. Через месяц после выхода Постановления в «Литературной газете» впервые был применен термин «социалистический реализм».³ Оргкомитет Союза советских писателей и другие литературные и научные организации проводили дискуссии о соцреализме с участием писателей, критиков, литературоведов, издавали сборники статей о новом методе. Его определение было включено в Устав Союза советских писателей, принятый на Первом съезде.⁴ Дискуссии, каким путем должна идти литература, были завершены.

Рубеж второго и третьего десятилетий XX века оказался периодом поисков, важную роль в которых играла критика. В данной статье рассмотрим дискуссию внутри РАПП о творческих лозунгах ассоциации. Дискуссия была выбрана как наиболее репрезентативная для описанного периода: она проходила внутри самой влиятельной на тот момент организации; касалась ключевых вопросов о герое произведения и об идеологии в литературном творчестве; пик ее пришелся на первый этап фазы канонизации (по Х. Гюнтеру), который «характеризуется вытеснением и элиминацией конкурирующих направлений в литературе и литературной критике».⁵

Внутри ассоциации произошел раскол. Часть руководства (И. Вардин, Г. Лелевич, С. А. Родов), так называемые «левые», отказались от сближения с писателями-попутчиками и сотрудничества с ними в Федерации советских писателей. Это было расценено как «комчванство», осужденное Постановлением ЦК РКП(б) 1925 года «О политике партии в области художественной литературы». Отстраненные от руководства организацией на ноябрьском пленуме ВАПП 1926 года, «левые» составили оппозицию, которая постепенно разрасталась. К 1930-му в нее вошли также представители школы В. Ф. Переверзева, разрабатывавшей социологическое направление в литературоведении и разгромленной в 1929–1930 годах при участии РАПП. Оппозиция заявляла, что выступает против лозунгов, выдвинутых налитпостовцами (лидерами и идеологами РАПП во главе с Л. Л. Авербахом; группировались вокруг журнала «На литературном посту»): углубленного психологизма, «живого человека», учебы у классиков и теории непосредственных впечатлений. Противостояние развернулось во время III Областной конференции Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП), проходившей 15–21 мая 1930 года (тех, кто выступал на ней против руководства РАПП, называли «беспринципным блоком ренегатов», в августе 1930 года блок оформился как группа «Литфронт»; в статье речь идет о более ранних событиях, поэтому это название не используется). Сборник стенограмм конференции «Творческая дискуссия в РАППе» был опубликован в 1930 году, тогда же было выпущено подготовленное в связи с конференцией издание «К творческим разногласиям в РАПП'е».

На заседании секретариата РАПП от 19 июня 1930 года обе стороны конфликта пытались интерпретировать итоги конференции в свою пользу.⁶ У оппозиции были для этого основания. На заседаниях выступали члены рабочих кружков, представивших голос пролетарской литературы, о будущем которой велись споры. Кружками была выработана резолюция, отмечавшая «наибольшую опасность» психологизма и «забвения примата классового над личным», что поддерживало выступления оппозиции.⁷

³ [Б. п.]. Обеспечим все условия творческой работы литературных кружков. На собрании актива литкружков Москвы // Литературная газета. 1932. 23 мая. № 23 (192). С. 1.

⁴ Устав Союза советских писателей СССР // Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., 1934. С. 716.

⁵ Гюнтер Х. Жизненные фазы соцреалистического канона // Соцреалистический канон / Под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. С. 283.

⁶ Заседание секретариата РАПП от 19 июня 1930 г. // ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 8.

⁷ [Б. п.]. Творческая декларация — 16 литгрупп и кружков ЛАПП // Творческая дискуссия в РАППе. [Л.] 1930. С. 453–454.

Во время дискуссии несколько раз подчеркивалось, что идет борьба двух методов. Метод оппозиции не получил устойчивого названия: он был определен как «классово-производственный», однако этот термин использовался единожды.⁸ А словосочетание «психологический реализм» применительно к методу налитпостовцев появлялось в высказываниях обеих сторон. Название было введено представителем оппозиции А. И. Безыменским. Один из руководителей РАПП В. М. Киршон отказывался от термина, заявляя, что он налитпостовцам «пришивается».⁹ Другой, В. В. Ермилов использовал его, отмечая, что он «несуразен».¹⁰ Рядовые сторонники налитпостовцев применяли его без оговорок.¹¹

Помимо спора по теоретическим вопросам, шла дискуссия об оценке произведений представителей разных лагерей. В центре внимания оказались работы налитпостовцев — членов ЛАПП: роман Ю. Н. Либединского «Рождение героя» и повесть М. Ф. Чумандрина «Бывший герой», с одной стороны, и пьеса Безыменского «Выстрел» — с другой. Отметим, что налитпостовцы в обоих произведениях вывели в названиях на первый план героя, внимание к отдельному человеку вытекало из обсуждавшихся лозунгов.

Основным приемом дискуссии были взаимные обвинения. Стороны указывали друг другу на смену позиции. Так, налитпостовцы регулярно вспоминали о статье Безыменского «О проблеме психологического углубления», созданной по материалам доклада 1927 года. В ней шла речь о показе «живого человека», Безыменский призывал к «углубленному индивидуализированию персонажей», при этом утверждал связь переживаний отдельного героя с «переживаниями целого общественного класса», отмечал, что «в свете психологического анализа, анализа более углубленного, нам нужно показать свой класс».¹² В дальнейшем Безыменский начал настаивать на первостепенном значении социальной составляющей, например: «Метод же психологического реализма обозначает отставание от хода жизни и борьбы рабочего класса, ибо стремится к раскрытию сложных процессов развития индивидуальной психики, выявляющихся значительно позже тех социальных явлений, которые их вызвали».¹³ Он перешел от поддержки лозунга «живого человека», утверждений о важности и личности, и класса к тезису о приоритете классового.

Еще одним обвинением, звучавшим на конференции, было отсутствие единства позиции каждой стороны. Блок был назван беспринципным из-за того, что взгляды его представителей оценивались налитпостовцами как противоречащие друг другу. В свою очередь представитель оппозиции, ответственный редактор «Литературной газеты» Б. С. Ольховый обвинял руководство: «Тов. Ермилов здесь с этой трибуны говорил о том, что лозунг „живого человека“ есть наш боевой большевистский лозунг. Ясная постановка вопроса, но как связать это с тем заявлением Фадеева, что этот боевой пролетарский лозунг только для начинающих писателей».¹⁴ Однако А. А. Фадеев не говорил о лозунге «живого человека», а Ермилов ограничил его применимость: «На том этапе развития, на котором находится она (литература. — А. С.) сейчас, лозунг „живого человека“ сменяется другими, соответствующими этому более высокому этапу и базирующим <и>ся на более высокой основе. Но и сейчас для десятков и сотен начинающих писателей этот лозунг сохраняет и поныне свое боевое значение».¹⁵ Это высказывание свидетельствует либо о том, что Ольховый искажил речи оппонентов, либо

⁸ Там же. С. 256.

⁹ Там же. С. 110.

¹⁰ Там же. С. 157.

¹¹ См., например: Там же. С. 311.

¹² Безыменский А. О проблеме психологического углубления // Творческие пути пролетарской литературы / Под ред. Л. Авербаха. М.; Л., 1928. [Сб. 1]. С. 71, 74.

¹³ Безыменский А. В атаку на психологический реализм! // Литературная газета. 1929. 4 нояб. № 29. С. 2.

¹⁴ Творческая дискуссия в РАППе. С. 337.

¹⁵ Там же. С. 164.

о том, что сборник неполно или неточно передает стенограммы. Оба варианта возможны. Участники дискуссии часто обвиняли друг друга в недобросовестном неточном цитировании, а также в приписывании себе тезисов противника.

Уход дискуссантов от сути обсуждавшихся лозунгов, разнообразие мнений и их переменчивость снижают возможность представления полной картины противостояния. С. И. Шешуков описал историю РАПП в ее внутренней борьбе и в борьбе с другими организациями. Но и его исследование не во всем точно соответствует материалу. Он оценивал позиции участников дискуссии, развернувшейся на конференции, как правильные или неправильные. Например, по его мнению, блок из-за «ограниченности в понимании специфики искусства» боролся с «совершенно верной» мыслью о том, что «общественные классы познаются в художественном творчестве через отдельную, конкретную, типическую личность».¹⁶ Шешуков, комментируя выступление одного из руководителей РАПП Ермилова, утверждавшего, что тезисы блока не противоречат взглядам налитпостовцев, указывал на лживость этого заявления, отсылая к лозунгам и призывам руководства.¹⁷ Между тем в подтверждение своих слов Ермилов привел цитаты из опубликованных статей налитпостовцев, которые были созвучны высказываниям оппозиции.¹⁸

Таким образом, спор нуждается в дальнейшем прояснении. Данная попытка уточнить картину дискуссии не претендует на полноту охвата материала. Рассмотрим позиции оппонентов не в диахронии, а на момент III конференции ЛАПП. К цитатам из более ранних выступлений будем прибегать, чтобы показать изначальные формулировки тезисов. Обратим внимание на программу каждой стороны, минимизируя разбор того, верны ли взгляды, приписывавшиеся выступавшими противникам. Это значительно сокращает объем материала, поскольку обвинения были весомой составляющей дискуссии. Дискуссия велась обо всех творческих лозунгах, выдвинутых руководством РАПП, мы же сфокусируемся на тех положениях, которые были связаны с изображением героя, речь пойдет о лозунгах «живого человека» и углубленного психологизма.¹⁹

Программа блока строилась на противостоянии налитпостовцам, что заметно, в частности, по сборнику «К творческим разногласиям в РАПП'е»: первую часть, представлявшую позицию руководства, завершали цитаты из статей налитпостовцев, доказывавшие их правоту в споре, вторая часть, излагавшая взгляды блока, также заканчивалась цитатами из статей налитпостовцев, но с критическими комментариями.²⁰ Так что позиция руководства РАПП имела определяющее значение для спора.

Налитпостовцы вели «курс на психологическое углубление». В 1928 году Авербах заявлял: «Мы никак не боимся призывать писателей к анализу индивидуальной психологии, ибо мы не противопоставляем ее психологии социальной».²¹

Блок выступал против монополии психологизма. Например, это звучало на конференции в высказываниях Безыменского («...мы боремся прежде всего за то, чтобы отменить монополию психологического реализма»). Налитпостовцы отвергали подобные обвинения и, вторя блоку, утверждали, что выступают за разнообразие жан-

¹⁶ Шешуков С. И. Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов. М., 2013. С. 264 (1-е изд. 1970).

¹⁷ Там же. С. 268–270.

¹⁸ Цитаты отличаются от первоисточника редкими, не влияющими на смысл заменами слов, есть купюры, ср.: Творческая дискуссия в РАППе. С. 165–167 и Авербах Л. Противники ли мы психологизма // Творческие пути пролетарской литературы / Под ред. Л. Авербаха. М.; Л., 1929. Сб. 2. С. 120–121; Ермилов В. Творческое лицо пролетарской литературы // Там же. С. 175–176, 180–181.

¹⁹ Вокруг лозунга учебы у классиков шли споры, у кого и чему учиться, а от чего необходимо отказаться. Блок не принимал лозунг непосредственных впечатлений, объявлял его идеалистическим и восходящим к А. Бергсону, а не К. Марксу (см. выступление Каменева: Творческая дискуссия в РАППе. С. 363–366).

²⁰ К творческим разногласиям в РАПП'е. Л., 1930. С. 83–94, 185–190.

²¹ Авербах Л. Противники ли мы психологизма. С. 111, 112.

ров.²² Спор переходил с направления на жанры. В частности, в декларациях оппозиции отмечалась недооценка очерка, который «уже становится одним из наиболее важных и действенных литературных видов», а Ермилов в ответ заявлял: «Разве найдется какой-нибудь сумасшедший человек, который скажет, что он против сатиры, против романа-утопии, против очерка и т. п.?»²³

Ряд участников блока на конференции выступал за показ психологии героев: «...мы за показ психологии, потому что людей без психологии не бывает» (М. С. Гельфанд), «...мы за освещение новой психологии деревни, людей на фабриках и новых представителей пролетарской интеллигенции, не взятой изолированно, самодовлеюще, а взятой в текущей борьбе, в текущем социалистическом строительстве» (Т. Костров).²⁴ В последнем случае уточнялась тематика и утверждалась необходимость связывать действия отдельного человека с ситуацией в стране.

Схожие высказывания о значимости социальной составляющей при показе героя звучали в выступлениях обеих сторон. Так, сравним слова Кострова о необходимости изображать личность в связи с социалистическим строительством и выступление одного из теоретиков руководства Ермилова, который, ведя речь о лозунге «живого человека», назвал общий и обязательный для обеих сторон источник этого тезиса: «„живой человек“, т. е. человек классовый, которого пролетарский писатель обязан показывать в соответствии с формулой Маркса о человеке как совокупности общественных отношений».²⁵ К. Маркс в шестом тезисе о Л. Фейербахе писал: «Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивидууму. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений».²⁶ Это положение в рассматриваемый период развивалось в ряде гуманитарных наук. В частности, оно легло в основу работ психолога и педагога Л. С. Выготского, родоначальника социальной и культурно-исторической психологии. Тезис Маркса применялся руководством РАПП еще до активного разворачивания дискуссии. Так, на первом Всесоюзном съезде пролетарских писателей в мае 1928 года Фадеев утверждал, что «человек является продуктом известной общественной среды».²⁷

Дискуссия велась внутри одной организации, стремившейся следовать официальной идеологии, основы которой находили в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. В итоге ее участники опирались на общие базовые тезисы.

Обе стороны говорили о своей приверженности диалектическому материализму. Сравним высказывания в сборнике «К творческим разногласиям в РАПП'е». Либединский заявил: «Мы первые стали конкретно разрабатывать диалектико-материалистический метод в литературе»; а А. Д. Камегулов, обозначая позицию блока, сообщил: «Мы выступаем против показа психологии, оторванной от социально-практической деятельности персонажа. Мы — за показ психологии методом материалистической диалектики».²⁸ Последняя фраза могла принадлежать налитпостовцам. Слова об отрыве от социально-практической деятельности укладываются в выступления обеих сторон против «бездейственного психологизма»: сравним высказывания представителя руководства Ермилова («...мы с самого начала вели борьбу против тенденций бездейственного психологизма») и оппозиции — Кострова («...психология бездейственная <...> нас сейчас удовлетворить не может»)).²⁹

²² Творческая дискуссия в РАППе. С. 123, 257–258.

²³ Там же. С. 455, 464, 196.

²⁴ Там же. С. 225, 50.

²⁵ Там же. С. 159.

²⁶ [Маркс К.]. Тезисы о Фейербахе // Энгельс Ф. Людвиг Фейербах / Предисловие Н. Карева. М.; Л., 1928. С. 83.

²⁷ Фадеев А. Столбовая дорога пролетарской литературы // Творческие пути пролетарской литературы. Сб. 2. С. 61.

²⁸ Либединский Ю. За что борются напостовцы (собрание низовых кружков ЛАППа — 25 апреля 1930 г.) // К творческим разногласиям в РАПП'е. С. 21; Камегулов А. Письмо товарищам // Там же. С. 120.

²⁹ Творческая дискуссия в РАППе. С. 165, 50.

Блок выдвигал требования, с которыми невозможно было спорить пролетарской организации, работавшей в русле официальной идеологии. Этот прием противников подчеркнул в своем выступлении Фадеев: «Говорят, например, о классово-действенном искусстве. Кто же из пролетарских писателей посмеет возражать против того, чтобы искусство было классово-действенным? <...> Говорят, что нужна актуальная литература, отвечающая текущему моменту. Против этого было бы смешно спорить и возражать».³⁰

Общие для обеих групп положения использовались для того, чтобы мотивировать противоположные оценки одного и того же явления. Так произошло при разборе романа Либединского «Рождение героя». В произведении основное внимание было уделено личной жизни центрального персонажа, его мыслям и переживаниям. Камегулов, исходя из уже названного тезиса Маркса, апеллируя к значимости социально-экономических факторов, обвинял Либединского в «идеалистическом отрыве психического содержания личности от реальной общественной среды».³¹ В этом руководстве РАПП соглашалось с блоком (согласно Ермилову, «ошибка Либединского состоит в том, что он *преувеличил* семейно-бытовой план за счет показа своей идеи в более трудном плане, — в плане *общественного действия*»³²). В то же время налитпостовцы оценивали произведение как удачное, опираясь при этом на широко транслировавшуюся установку о воспитательной функции искусства. Е. С. Добин, рецензируя роман Либединского, увидел «заслугу автора и достоинство произведения в том, что орудием углубленного психологического анализа вскрыты в „Рождении героя“ подспудно заложенные, даже у передовой части рабочего класса, остатки классово чуждых мыслей и чувств, чтобы этим самым помочь делу освобождения „нового“ человека над ними».³³

Представитель блока Г. Горбачев иронично изложил содержание дискуссии: «...здесь товарищи говорят, что они реалисты, а мы не реалисты, что они за психологию, а мы против психологии, что они за какого-то особенного живого человека, а мы за дохлого человека».³⁴

Однако, судя по материалам дискуссии, обе стороны выступали за показ психологии. Лозунг «живого человека» признавался оппозицией полезным. Гельфанд отмечал, что лозунг «до известного момента» «имел известное практическое значение».³⁵ А В. А. Сутырин, выступивший в сборнике «К творческим разногласиям в РАПП'е» от лица руководства, говорил о возможной замене лозунга, подчеркивая, что это не будет означать признания его ошибочным, а станет «новым его утверждением в форме более высокой».³⁶

Один из тезисов оппозиции в сборнике «К творческим разногласиям в РАПП'е» был сформулирован следующим образом: блок выступает «против объявления слюнтяйского психологического самокопания интеллигентов столбовой дорогой пролетлитературы, за показ активно действующего человека во всей сложности его общественной психологии».³⁷ Руководство не заявляло, что оно стоит за показ «слюнтяйского психологического самокопания интеллигентов», также неясна разница между «живым человеком» и предлагаемым оппозицией «активно действующим». Более того, в том же сборнике представитель блока Л. В. Цырлин напрямую поддержал лозунг «живого человека»: «Именно наша постановка вопроса только и может обеспечить

³⁰ Там же. С. 257.

³¹ Камегулов А. Письмо товарищам. С. 110.

³² Ермилов В. Гоголевский Осип в качестве литературного теоретика. Ответ т. Кострову // На литературном посту. 1930. Апрель. № 8. С. 9.

³³ Добин Е. Обсуждаем творческий метод. «Рождение героя» Ю. Либединского // Литературная газета. 1930. 12 мая. № 19 (56). С. 2.

³⁴ Творческая дискуссия в РАППе. С. 390.

³⁵ Там же. С. 213.

³⁶ Сутырин В. О благородных предках // К творческим разногласиям в РАПП'е. С. 85.

³⁷ Там же. С. 96.

пролетарской литературе возможность показа действительно живого человека, а не выдуманного, отвлеченного, одинокого „Робинзона“». ³⁸ То есть обе стороны утверждали, что они знают, какой именно психологизм нужен и как надо изображать «живого человека». Заявленное противостояние оказалось разговором о совпадающих взглядах, пусть и насыщенным взаимными обвинениями. Спор велся на общем языке с использованием убедительных для обеих сторон аргументов, которые сложно было игнорировать.

Но единство взглядов в вопросе о показе героя (которое можно сформулировать как требование изображать нового человека в условиях социалистического строительства, уделяя особое внимание его мыслям и переживаниям, а также связи с жизнью страны) было таковым только согласно части высказываний блока. Оппозиция в ряде случаев выступала против названных рекомендаций писателю.

Общий тезис о связи индивидуального и социального сопровождался разногласиями об особенностях изображения этой связи. Еще до конференции Авербах заявлял, что «анализ психологии индивидуальной является лучшим путем к пониманию психологии социальной». ³⁹ Отталкиваясь от этого высказывания, оппозиция напомнила еще об одном базовом тезисе. Гельфанд рассуждал: «...понятие класса как целого, как общего является понятием куда более содержательным, богатым, чем понятие индивидуального, хотя бы и классового человека. Более того: понятие класса включает и подчиняет себе понятие индивидуального <...> мы считаем, что через социальную психологию можно понимать психологию индивидуальную, а не наоборот. Мы исходим из признания примата классового над личным». ⁴⁰ То есть оппозиция предлагала изображать коллективного героя, были выпущены произведения с таким героем. Блок высоко оценивал пьесу Безыменского «Выстрел». В произведении была показана согласованная работа бригады, ремонтировавшей трамвай. Рабочие так описывали результат своего труда: «Герой наш — Время. / Все мы вместе, / И вместе с тем — любой из нас». ⁴¹ В. В. Вишневский в качестве творческого ответа налитпостовцам создал пьесу «Последний решительный», в которой моряки выступали как единое целое, кроме двух персонажей, выбившихся из коллектива и отданных под трибунал за нарушения дисциплины.

Важным требованием оппозиции была политическая оценка действий героев. Блок заявлял, что в лозунге «живого человека» «забыто главное, основное, обязательное для каждого пролетарского писателя, а именно: требование отчетливого политического, классово-действенного отношения к действительности». ⁴² Оппозиция приходила к выводу о вреде раскрытия психологии врага, потому что это может способствовать его оправданию. Гельфанд назвал тенденцию показа положительных черт классового врага и описания его чувств «морализирующей, всепримиряющей, всепрощающей, отвлекающей от действительных противоречий реального классового общества творческой установкой», налитпостовцы же настаивали на необходимости изображения отрицательного персонажа в сложном сочетании черт его поведения и переживаний, в том числе привлекательных, что пояснялось необходимостью предупреждения читателя о возможной маске врага, чтобы упростить разоблачение последнего. ⁴³

Универсально позицию блока выразил на конференции Гельфанд, комментируя пьесу Либединского «Высоты». К ее недостаткам он отнес такое изображение героя, когда «второстепенные, несущественные, случайные с нашей общеклассовой точки зрения, психологические свойства индивида ставятся на одну доску, ставятся в один ряд с наиболее существенными классовыми моментами». ⁴⁴ Психологизм признавался

³⁸ Цырлин Л. Долой толстовство // Там же. С. 151.

³⁹ Авербах Л. Противники ли мы психологизма. С. 112.

⁴⁰ Творческая дискуссия в РАППе. С. 218.

⁴¹ Безыменский А. Выстрел. М.; Л., 1930. С. 125.

⁴² Творческая дискуссия в РАППе. С. 458.

⁴³ Там же. С. 223, 328.

⁴⁴ Там же. С. 221.

только частично, тот, который не вредит идеологически верному показу героев разной социальной принадлежности; положительные характеристики классового врага или отрицательные пролетария, тем более партийца, могли быть отвергнуты как несущественные, т. е. нетипичные.

Описание блоком того, какой именно психологизм должен применять пролетарский писатель, превращало прием в его противоположность. В октябре 1930 года представитель оппозиции Вишневский говорил о борьбе двух методов, «психологического» и «антипсихологического»,⁴⁵ и это соответствует картине рассмотренного противостояния в его крайних проявлениях.

Дискуссия внутри РАПП продолжала споры о развитии пролетарской культуры, которые велись ранее с другими организациями. РАПП занимал среднюю позицию в борьбе с «левым» ЛЕФ и «правым» «Перевалом» с его теоретиком А. К. Воронским. А. Л. Юрганов характеризует позиции представлявших эти группы журналов после упоминавшегося Постановления РКП(б) от 18 июня 1925 года как культ факта («Новый Леф») и психологической действительности («Перевал»).⁴⁶ В ходе III конференции ЛАПП Добин обвинял оппозицию в наследовании взглядам ЛЕФ, а оппозиция в свою очередь обличала руководство в опоре на теорию Воронского.⁴⁷ Помимо этого, дискуссанты обвиняли друг друга в преемственности выступлениям Воронского и Перерезева. Но чаще всего встречались указания на схожесть позиций блока и ЛЕФ, руководства и «Перевала».

«Борьба на два фронта» с «правым» и «левым» уклоном была обозначена как «единственно правильная политика партии» в речи И. В. Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) от 19 ноября 1928 года.⁴⁸ РАПП повторял эту схему «борьбы». Поскольку позиции «правых» и «левых» ранее были признаны РАПП ошибочными, налитпостовцы и блок, предвидя возможные обвинения, высказывались менее радикально, чем представители ЛЕФ и «Перевала». Вероятно, в том числе поэтому позиция блока была внутренне противоречивой. Продолжение споров о том, что и как должен изображать пролетарский писатель, начавшееся между разными организациями, говорит об актуальности этого вопроса.

В то же время стоит отметить, что важной подоплекой дискуссии была борьба за власть внутри организации,⁴⁹ что не отменяет содержательную сторону спора, но снижает ее значимость. Несмотря на сходство части утверждений, общий взгляд не был выработан, дискуссия велась с высоким эмоциональным накалом. Вероятно, достижение договоренности не было целью выступавших, а взаимные политические обвинения не позволяли признать, что в словах противников есть созвучие собственной позиции.

Общим для обеих сторон дискуссии был тезис об обязательности идеологического воздействия литературы на читателя. Блок в своей декларации «Против чего и за что мы боремся», которая была распространена на конференции, утверждал, что пролетарская литература должна стать «действительным орудием революционной пере-

⁴⁵ [Б. п.]. «Первая Конная» Вс. Вишневского // Литературная газета. 1930. 24 окт. № 49. С. 4.

⁴⁶ Юрганов А. Л. Конкурирующие модели пролетарской культуры в СССР 1920-х годов // Россия и современный мир. 2018. № 2. С. 140, 146. Позицию журнала «На литературном посту», в котором публиковалось руководство РАПП, исследователь определяет как культ социологической действительности и говорит о его «вражде к психологизму» (Там же. С. 145). Такая оценка, хоть и представляется неточной, стала возможной из-за регулярных высказываний теоретиков РАПП о значимости показа общественного, классового человека.

⁴⁷ Творческая дискуссия в РАППе. С. 281, 341.

⁴⁸ Речь тов. Сталина на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 года // Правда. 1928. 24 нояб. № 273 (4105). С. 4.

⁴⁹ Историю административного противостояния РАПП и группы «Литфронт» см.: Быстрова О., Кутейникова А. «Литературный фронт»: хроника противостояния // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2012. Кн. 2. С. 789–813.

стройки общественного сознания». ⁵⁰ Авербах еще в 1928 году заявлял, что «помочь переделке человеческого материала, способствовать направлению роста индивидуальности в социалистическое русло пролетарский писатель может именно углубленным психологизмом». ⁵¹

Внимание к такой функции литературы, как конструирование идеологии, уделялось государством еще в первые годы советской власти, что проявилось, в частности, в феномене «кремлевской критики» (устных и письменных выступлениях о литературе членов ЦК РКП(б) и других политических деятелей). ⁵² Эта тенденция была подхвачена политическими работниками, превратившимися в работников литературных для продвижения партийных интересов в этой сфере. Предшественница рассматриваемого противостояния, напостовская критика 1922–1925 годов (публиковалась в журнале «На посту», на смену которому пришел орган критики РАПП «На литературном посту»), согласно Н. В. Корниенко, «не просто охраняла принцип партийности; она, по сути дела, сформировала идеологические, организационные и эстетические основы принципа партийности для новой советской литературы». ⁵³

Более последовательно утилитарную цель воздействия на читателя поддерживала оппозиция. Однако и руководство не отказывалось от линии своих предшественников.

Б. Е. Гройс возводит соцреализм к авангарду, что обосновывает, в частности, их общей целью — «создание нового мира с помощью организационных и технических методов социалистического строительства, в котором художник соединяет творчество и утилитаризм». Исследователь видит разницу в том, что авангард работал с базисом (менял материальный мир, рассчитывая таким образом изменить человека), соцреализм перешел на надстройку («сумму идеологических, эстетических и других взглядов»). ⁵⁴

Дискуссия шла не только о герое, но и о ключевой для искусства рассматриваемого периода идеологической составляющей, участники указывали разные пути ее воплощения. Одна сторона предлагала изображать отдельного человека с его переживаниями и мыслями в связи с событиями в стране, другая выводила на первый план коллективного героя и говорила о первостепенном значении политической оценки в связи с классовой принадлежностью персонажей.

Несмотря на формальную победу РАПП (к концу 1930 года оппозиция была разгромлена, группа «Литфронт» ликвидирована), в этом споре не было победителей. После Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года в газете «Правда» вышла статья «На уровень новых задач», в которой как достижение отмечен разгром «Литфронта», а о РАПП сказано: «К числу наиболее ярких ошибок творческого порядка относится ставка на психологизм». ⁵⁵

Дискуссия оказалась последним ярким противостоянием по поводу творческих вопросов в РАПП. В дальнейшем выдвигались лозунги административного порядка («За Магнитострой литературы», «За большое искусство большевизма», «Обработка РАПП», «Ударник производства — центральная фигура пролетарского рабочего движения» и др.). Путь психологизма, предлагавшийся пролетарской литературе, был отвергнут для советской, в определение соцреализма не вошел человек, герой произведения.

⁵⁰ Творческая дискуссия в РАППе. С. 462.

⁵¹ Авербах Л. Противники ли мы психологизма. С. 88.

⁵² См. об этом явлении: Корниенко Н. В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М., 2010. С. 29–37 и др.

⁵³ Корниенко Н. В. Литературная критика и культурная политика периода нэпа: 1921–1927 // История русской литературной критики: Советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М., 2011. С. 116.

⁵⁴ Гройс Б. Рождение социалистического реализма из духа русского авангарда // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 45, 52.

⁵⁵ [Б. п.]. На уровень новых задач // Правда. 1932. 9 мая. № 127 (5292). С. 2.

Анастасия Владимировна Сысоева

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Anastasia Vladimirovna Sysoeva

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-3844-5908

sysoevaav@gmail.com

ДИСКУССИЯ О ТВОРЧЕСКИХ ЛОЗУНГАХ РАПП В 1930 ГОДУ**A 1930 DISCUSSION ON RAPP'S CREATIVE SLOGANS**

В статье рассмотрена дискуссия внутри РАПП между руководством и «левой» оппозицией по поводу лозунгов углубленного психологизма и «живого человека»: проведено сравнение позиций оппонентов, выявлены общие для обеих сторон тезисы и единство в оценке функции идеологического воздействия как базовой для произведения. Оппозиция выступила противоречиво: заявила несогласие со всеми творческими лозунгами руководства, однако поддержала часть из них, при этом определяла психологизм, необходимый для пролетарской литературы, как его противоположность. В дальнейшем обе позиции были признаны ошибочными, психологизм оказался отвергнутым вариантом развития литературы.

Ключевые слова: РАПП, психологизм, советская литература.

The article examines the discussion between the RAPP leadership and the «left» opposition about in-depth psychologism and «a live human»: positions of the opponents are compared, common grounds are identified, the disputants' agreement in assessing the function of ideological impact as the basic issue for a work of literature is stated. The opposition offered a variety of approaches. It disagreed with all the leadership's slogans concerning creativity, but supported some of them, while defining the psychologism necessary for the proletarian literature as its opposite. Subsequently, both positions were recognized as erroneous, with psychologism being proclaimed a rejected path of literary development.

Key words: RAPP, psychologism, Soviet literature.

Список литературы

1. Быстрова О., Кутейникова А. «Литературный фронт»: хроника противостояния // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2012. Кн. 2.
2. Гройс Б. Рождение социалистического реализма из духа русского авангарда // Вопросы литературы. 1992. № 1.
3. Гюнтер Х. Жизненные фазы соцреалистического канона // Соцреалистический канон / Под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000.
4. Корниенко Н. В. Литературная критика и культурная политика периода нэпа: 1921–1927 // История русской литературной критики: Советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М., 2011.
5. Корниенко Н. В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М., 2010.
6. Шешуков С. И. Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов. М., 2013.
7. Юрганов А. Л. Конкурирующие модели пролетарской культуры в СССР 1920-х годов // Россия и современный мир. 2018. № 2.

References

1. Bystrova O., Kuteinikova A. «Literaturnyi front»: khronika protivostoianiiia // Tekstologicheskii vremennik. Russkaia literatura XX veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniia. M., 2012. Kn. 2.

2. *Giunter Kh.* Zhiznennye fazy sotsrealisticheskogo kanona // Sotsrealisticheskii kanon / Pod obshch. red. Kh. Giuntera i E. Dobrenko. SPb., 2000.
3. *Grois B.* Rozhdenie sotsialisticheskogo realizma iz dukha russkogo avangarda // Voprosy literatury. 1992. № 1.
4. *Iurganov A. L.* Konkuriuiushchie modeli proletarskoi kul'tury v SSSR 1920-kh godov // Rossiia i sovremennyi mir. 2018. № 2.
5. *Kornienko N. V.* Literaturnaia kritika i kul'turnaia politika perioda nepa: 1921–1927 // Istoriia russkoi literaturnoi kritiki: Sovetskaia i postsovetskaia epokhi / Pod red. E. Dobrenko, G. Ti-khanova. M., 2011.
6. *Kornienko N. V.* «Nepovskaia ottepel'»: stanovlenie instituta sovetskoi literaturnoi kritiki. M., 2010.
7. *Sheshukov S. I.* Neistovye revniteli: Iz istorii literaturnoi bor'by 20-kh godov. M., 2013.

Анастасия Викторовна Голубцова

старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Anastasia Viktorovna Golubtsova

Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-1286-7707

ana1294@yandex.ru

**ДОКЛАД Г. С. БРЕЙТБУРДА ОБ ИТАЛЬЯНСКОМ НЕОАВАНГАРДЕ
НА ЗАСЕДАНИИ ИНОСТРАННОЙ КОМИССИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
30 СЕНТЯБРЯ 1965 ГОДА: ТЕКСТ И КОНТЕКСТ**

**G. S. BREITBURD'S REPORT ON ITALIAN NEO-AVANT-GARDE
AT THE INTERNATIONAL COMMISSION
OF THE UNION OF THE SOVIET WRITERS, SEPTEMBER 30, 1965:
TEXT AND CONTEXT**

В публикацию включен фрагмент стенограммы доклада консультанта по итальянской литературе Иностранной комиссии СП СССР Г. С. Брейтбурда об итальянском неоавангарде, прочитанного 30 сентября 1965 года в рамках подготовки к поездке советской делегации на конгресс Европейского сообщества писателей (КОМЕС). Вступительная статья знакомит с историей советской рецепции итальянского неоавангарда и ролью, которую играл в ней автор доклада. Публикация содержит новые сведения о деятельности Брейтбурда как одной из значимых фигур советской «культурной дипломатии» и дополняет имеющееся представление о восприятии западных неоавангардных течений в советской культуре.

Ключевые слова: Г. С. Брейтбурд, Иностранная комиссия Союза писателей СССР, Европейское сообщество писателей (КОМЕС), итальянский неоавангард, «Группа 63», У. Эко, Э. Сангвинети, идеология, рецепция.

The publication includes an extract from a stenographic copy of a report on the Italian Neo-Avant-Garde presented by G. S. Breitburd at the International Commission of the Union of the Soviet Writers on September 30, 1965. The goal was to prepare the Soviet delegation for the European Community of Writers' Congress on the European Avant-Garde. The introductory article offers an outline of the Soviet reception of Italian Neo-Avant-Garde and of Breitburd's role in it. The publication contains new facts on Breitburd's work as an important actor of the Soviet «cultural diplomacy» and expands the existing idea of how Western Neo-Avant-Garde was perceived by the Soviet culture.

Key words: G. S. Breitburd, International Commission of the Union of the Soviet Writers, C.O.M.E.S. (European Writers' Community), Italian Neo-Avant-Garde, *Group 63*, U. Eco, E. Sanguinetti, ideology, reception.